

АВТОПОРТРЕТ С КРЫЛАМИ ИЗ ОСОКИ

Краюшкина Татьяна Владимировна,

доктор филологических наук,

главный научный сотрудник,

зав. Центром истории культуры и межкультурных

коммуникаций

Института истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВО РАН,

г. Владивосток

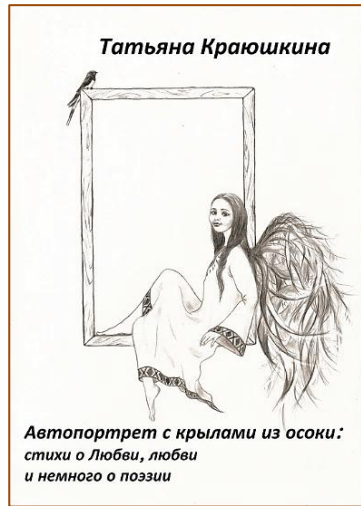
Татьяна Владимировна Краюшкина родилась в Новосибирской области. В 1998 г. окончила Институт русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета (1998). Доктор филологических наук, фольклорист, автор более 200 научных работ, в том числе четырёх монографий, три из которых отмечены наградами. Главный научный сотрудник, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Публиковалась в журнале «Дальний Восток», альманахе «Литературный Владивосток», сборниках стихов «Рыбы и птицы», «Автограф на краю земли», «Паруса» и др. Автор книги прозы и стихов «Чёрно-

белый апельсин» (2006), книги стихов «Письма узелковые: между любовью и литературой» (2020), книги стихов «Автопортрет с крылами из осоки: стихи о Любви, любви и немного о поэзии» (2022). Финалист II Международного литературного конкурса «Огни золотые» в номинации «Поэзия» за стихотворение «В наличии – праведность...» (2020), лауреат II степени в номинации «Поэзия» краевого ежегодного литературного конкурса им. И.В. Царёва (2015), лауреат III степени городского конкурса молодых поэтов «Гул океанского прибоя», (2005, г. Владивосток). Живёт во Владивостоке.

Осенью 2022 г. на ЛитРес была опубликована третья книга стихов – «Автопортрет с крылами из осоки: стихи о Любви, любви и немного о поэзии». Книга посвящена всем тем, кто помог мне сформироваться как поэту. В числе этих людей известные в Приморье поэты – Владимир Михайлович Тыцких и Юрий Николаевич Кабанков, моя мама, которая слушает все мои стихотворения с самого первого моего поэтического опыта.

Идея этой книги возникла 17 лет назад, когда было написано стихотворение «Автопортрет с крылами из осоки». Оно стало для меня знаковым, камнем, на котором воздвигнута книга, благодатной почвой, породившей её, влагой, напитавшей каждую строку. За это время менялось многое: концепция, содержание, расположение стихов. Менялись даты на календаре и тексты, которые пропускала через себя. Менялась я. Только название оставалось неизменным, непреклонным. Поэтому – с крылами из осоки.

Обложка к третьей книге

«Почему такие странные – осоковые – крылья даны поэтам?» – может возникнуть вопрос. Вот почему: взлетать и летать можно только в том случае, если спина изрезана в кровь крыльями. Поэтому – крылья из осоки. Именно так – через кровь – возникают стихи. Кристаллизуются чувства, укутываясь в ритм, примеряя рифму. Что иначе – и не стихи вовсе. Крылья из осоки вытащили на свет остальные стихи, создали эту книгу.

Книга состоит из пяти блокнотов. *Первый блокнот* включает в себя циклы стихотворений. Здесь собрано всё: женское мирозерцание, любовь и окружающий мир. *Второй*

блокнот объединил стихи о Любви, той, что с заглавной буквы. Это стихи о душе, стремящейся к вере, любви и надежде. И еще сюда попали стихи на библейские и житийные сюжеты и мотивы. *В третьем блокноте* – стихи о любви женщины и мужчины. Такой, какая она есть на самом деле: распаивающей миры и надевающей шоры, иссушающей и оживляющей, рассекающей надвое и дарующей цельность.

Английское счастье

I. Сплин

Печаль свою шептать воде текучей,
Как будто бы она – твой вечный случай,
Твой мнимый паж и проводник минутий,
Минувший полдень, утомивший день.
И каждый шаг ее вьюнку научен,
Как аксиома, вычурная лень.
Едва брести сквозь утомленность парка,

Сквозь гербы на листве и веток арки,
Срывая бальзамины, как помарки,
Помарки в клумбах, между алых роз.
Воздушные почти разрушить замки,
Из вечера творя апофеоз.

Так просто подытоживать безбрежность
Своей судьбы, не понимая нежность,
Осмысливая тлен и неизбежность
Сквозь струйки дыма, что родит камин,
Набрасывая искру на валежник.
И сердцу неизбывно сладок сплин.

II. Туман над Темзой

И сердцу неизбывно сладок сплин.
Туман колыблет Темзу вдоль долин,
Сонату источает клавесин,
Целуя виноградность пальцев.
Преодолев усталость стылых зим,
Пора нам быть. Нам ни к чему казаться.

Перебирая чувства невпопад –
Так нежно руки пряди теребят –
Один неверный жест, и водопад
Волос по шее, как признание.
Переплетать впервые долгий взгляд
И в унисон увязывать дыханье.

Признав неторопливость верных чувств,
Бутоны роз весной приемлет куст.
Переборов медлительно искус,
С душ отчужденности снимая маску.
Едва коснувшись разомкнутых уст,
Давай смотреть незыблемости тряску.

III. Пикник

Давай смотреть незыблемости тряску,
Уткнувшись в плед и оседлав коляску,
С английского переходя на ряску.
Обычной рыжей глины сохнет завязь,
Улавливать в которой смутно сказку,
Полупечалюсь, полудивляюсь.

Давай не верить в истинность разлуки.
Над нами шепчут, как по Климту, буки,
Листва и солнце, соплетая руки,
Бросают сетку тонкую в траву.
Сердца, купаясь в двухголосной фуге,
Подхватывают нежную игру.

Закат по небу разливает краски,
И ветер южный, преисполнен ласки,
Воркует с облаками о Небраске,
Смущаясь над помятою травой.
Пора, мой друг, нам устремить коляску
В наш милый дом над спелой рекой.

IV. Чай

В наш милый дом над спелой рекой
Вливаются отрада и покой,
Тот самый, что сродни порой
Шопену и мурлыканью огня,
И клеверу, покрытому росой,
Теплу, созревшему в итоге дня.

Пить чай, с изюмом грызть сухарь,
Вдвоем читать и ждать январь,
Приемля, что сейчас, как встарь,
Листы с деревьев свергнет осень,

Под солнцем превратив в янтарь
Слезу унылых прежде сосен.

Вход в истину сокрыт в ключах:
В стремленье сердца, в трепетных ночах
И в нежном свете, что в твоих очах, –
И Промысел является сквозь случай.
Так слоги счастья узнавая в мелочах,
Печаль свою отдать воде текучей.
(17–20 марта 2020 г.)

Призывный падеж

Будет и мой черёд, чую размах крыла (О.Э. Мандельштам)

Мы с тобой молчаливые, сонные рыбы,
Пара ромбов, зажатая в суть плавников.
Мы с тобой из руды сочлененные рыжие глыбы,
В нас бурлит и рокошет пересечение веков.

Мы два паруса, в ритме качающих берег,
В ритме ветра, чей путь неизбывен и свеж.
Мы два ясеня, вложенных серыми ветками в скверик,
Пара слов, водворенных поэтом в падеж,

В тот, седьмой, но не звательный, а призывный:
Без него не случиться, не быть, не парить,
Без него не создать ни бурана, ни радуг, ни ливня,
По морошке рассвет без него никогда не разлить.

Два крыла, на которых возносится птица,
Два весла, что на заводи зыблют челнок.
Мы пришли в этот мир, чтобы встретиться, чтобы сбыться,
Божий промысел вышить в канве предназначенных строк.
(14 июня 2020 г.)

Капитолийская волчица

Посмотрите на эту волчицу! Она лукава, сосцы ее источают мяту.
Два приемыша, два волчонка в траве примятой
Новый город складывают из камней и глины,
Пускают слюни.
Она лежит – ни одетая, ни нагая,
Шкурой звериной
Вывернутая на солнце.
Глаза – зеленые, что колодцы,
Куда в июне
Иголки бросает пиния
С настойчивостью первопроходца.

Посмотрите на эту волчицу! Вечный город
Еще вне времени, вне пространства, он только повод
Будущему. Он поводья и шоры,
Башни, маятники, заборы,
Гуси, варвары, мостовые,
Куда апостол сложит шаги. Он выи
Непреклонные, сандалии. Он шакалы,
Тиберий, что взгляд опустит
Перед Мариєю из Магдалы.

Но пока волчица шкурой бусой укутана. Истекает
Молоко ее послесловьем мяты
В глотки двух приемышей,
И волчатам
Снится Рим – их стремленье и суть.
Молоко ее истекает Тибром
И белесой смальтой
На ночное небо наносит Путь.
(1–2 июня 2020 г.)

Старые ставенки

В старые ставенки замкнуты скрипы колес,
Люльки, летающей к матице, тонкое пение бабки,
Запах душицы, что рвали в кипящий покос
И на чердак возносили поникшей охапкой.

В каждую щепочку вплавлен малиновый звон,
Нитью связующий дворики, баньки, сараи,
Овцы, плывущие павами в крытый загон,
Зыблемый пар, выдыхаемый в стол караваем.

В каждую трещинку влиты с кукушкой часы,
Сени прохладные, Пасха, иконы, криница,
Астры помножены в трепетных сферах росы.
Стаенок старого дома, который лишь снится.
(19–20 апреля 2020 г.)

Одуванчик

Мой воздушный замок, выстроенный из пуха,
Крестом возложенного на пуповину,
Воспарять умеющий лишь в руинах,
Вознесенный днесь не душой, а духом.

Чу, летите, окрыленные семенами,
Не просите будущего, не грустите.
В прошлом смысла нет. Вы его сотрите,
Словно пыль, сотрите его словами.

Что вас ждет, что за наваждение?
Может, птичьи клювики, пашни жирные?
Может, ветер высушит вас инжирами?
Забвенье ожидает вас, возрождение?

КНИГА И МИР ИСКУССТВА

Через год мы встретимся. Стебель в руки,
Дуновением оживляю вас. В добрый путь!
Одуванчик мой, суета и суть,
Мой воздушный замок, выстроенный из пуха.
(17, 24 мая 2020 г.)

Пряничный домик с видом на мишку

Пряничный домик с видом на мишку,
Ветер из россыпи фантиков пишет руны.
Утром сырым просто сменить пешку на книжку,
Щепотью вместо соли нащупывать струны,

Сеять сомненья в тетради, на клумбы – левкой,
Верить в любовь до почечных колик, сверять путины.
Ждать озарения свыше, как ждут покоя,
Чуять его в маховике ежедневной рутины.

Рама перечеркнет куст смородины и правее.
Мелодия бьет по мокрой траве юбкой цветастой,
Из всех струн оливковым маслом отжав Орфея,
Лира в ее руках сладостно-беспристрастна.

Печная труба выхлебывает до черноты небо,
Поэтам является одно светило сразу в двух лицах.
Маленький Мальчик-с-пальчик все еще крошками хлеба
Выкладывает свой маршрут, позабыв о птицах.
(8 февраля 2020 г.)

Уходит всё

Уходит всё. Незавершенный спор,
Свет лампочки разрывом спелых штор
И одуванчик, осиянный пухом,

И чашка, скрытая кофейным духом,
Как прячут под ладонью мотылька,
Боясь его пыльцу нарушить,
И отпускают душу, и легка
Она летит на взмахе прочных кружев.

Уходит всё. Округлых щёк налив,
Оброненный прохожими мотив,
Неутомимый маятник обиды,
За нею – геометрия Эвклида,
Что в треугольнике любовном не верна,
Пересечение вины и обвиненья,
Ласкающая холодом волна
В осенний день, как откровенье.

У будущего – привкусы былого.
Уходит всё. Но остается слово.
(20 января 2021 г.)

В четвёртом блокноте – стихи о поэзии и поэтах, о слове, что рождается где-то в сердце и вытекает через подушечки пальцев на бумагу. О том поэтическом, концентрированном слове, которое

непрерывно нужно передать другим, тем, кому оно особенно нужно. Ведь так, через слово других поэтов, являемся в мир из небытия мы, поэты. Много лет назад меня напитали Марина Цветаева и Иосиф Бродский, пробудили от летаргии молчания Арсений Тарковский и Юрий Кабанков, сейчас говорят с моей душой на родном поэтическом наречии Олеся Николаева и Ольга Старушко. Поэтов, что повлияли на моё поэтическое слово, тех, кого услышала моя душа, – неизмеримо больше. Но эти – главные. И да, добавлю сюда ещё двух поэтов-переводчиков: «Витязя в тигровой шкуре» Николая Заболоцкого и «Калевалы» Леонида Бельского.

В пятом блокноте – все прочие стихи. Их объединяет потребность философски осмыслить действительность. Там всё, что за рамками любви и восприятия поэзии. И при этом там – тем более о любви и о поэзии.

Завершает книгу самый первый стих. Написала его в 10 лет.

Причина пробуждения во мне поэта весьма проста – Вдохновение. Вдохновение в самом приземлённом его, буквально физиологическом, смысле. Был стылый ноябрьский вечер. Если точнее, 18 ноября 1986 года. Шла телепередача, посвященная творчеству современной поэтессы. Поэтесса читала стихи. И я подумала: «А почему я не пишу стихи?» Пошла и написала первые шесть строчек. Что это была за поэтесса, история умалчивает. Недавно искала программу телепередач на тот знаменательный день. Но никакой передачи с поэтессой там не оказалось вовсе, хотя ошибки в дате нет. Мне думается, все-таки это была Римма Казакова.

Подборка стихотворений – из второй и третьей книг стихов. Иллюстратор их обложек – Мария Романова (г. Санкт-Петербург)

Иллюстрация ко второй книге